

Поздняя осень в Цзиньчэне была скупа даже на солнечный свет — небо вечно затянуто серой пеленой, а воздух пропитан сырым, пробирающим до костей холодом. Для Жун Му, свернувшегося под мостовым перекрытием, дни утратили всякий смысл, превратившись в бесконечную череду голодных и ледяных мук. Достоинство давно втоптанно в грязь, смешавшись с дорожной пылью. Он почти привык к такому жалкому существованию, лишь полуразрушенная, временами беспокойная сила внутри напоминала: в этом истерзанном теле томится душа, не желающая мириться с участью ничтожества.

В тот день после полудня голод вновь нахлынул жгучей волной, заставив его, шатаясь, добрести до оживленной торговой улицы. Ароматы еды, доносившиеся отовсюду, стали для него самой жестокой пыткой. Избегая людных мест, он словно тень бродил под навесами в переулках, невольно вглядываясь в землю в надежде найти хоть что-то съедобное, выброшенное людьми. Это стало его единственным инстинктом выживания.

В конце концов он остановился у задней двери чайной под названием Цинцюаньцзюй. Здесь было тихо, и иногда слуги выносили остатки угощений. Прислонившись к обшарпанной стене в тени, он ждал подачки. Осенний ветер гонял пожелтевшие листья, трепал его грязные лохмотья. Жун Му втянул голову в плечи, пытаясь укрыться от пронизывающего холода.

Когда сознание помутилось и он почти провалился в забытие, до него донеслись слова, долетевшие из приоткрытого окна чайной. Сначала это был лишь невнятный шум, но пара фраз вонзилась в его сознание, как иглы:

— Слышали? В доме Жун... стряслась беда!

— Еще бы! Страшные вещи творятся! Говорят, по ночам в усадьбе слышны жуткие звуки, слуги валяются с ног от непонятных недугов, лекарства не помогают, люди на глазах угасают...

— Подумать только, Жун — такой знатный и уважаемый род в Цзиньчэне, как они могли навлечь на себя подобную скверну?

— Кто знает? Может, совесть нечиста... Но в этот раз они не поскупились, говорят, уже отправили гонцов с мольбой о помощи к небожителям, чтобы те изгнали демонов!

— Небожитель? — голос другого собеседника звучал с благоговением и любопытством. — Кто же из них обладает такой силой?

— А кто еще? Конечно же, тот, кто вечно пребывает на пике Цзюэцин, холодный как лед и обладающий непостижимой мощью — небожитель Сюаньлин, Се Мовэй!

Имя Се Мовэй ударило по сознанию, словно гром среди ясного неба!

В одно мгновение голод, холод, унижение и апатия рассыпались в прах. Он резко выпрямил

сгорбленную спину, его тусклые глаза сузились, в них вспыхнул острый, невероятный блеск.

Се Мовэй?

Он едет в Цзиньчэн?

В дом Жун... изгонять демонов?

Эта новость была настолько ошеломляющей, что он застыл, едва дыша. Сердце бешено колотилось в груди, ударяясь о ребра, в ушах стоял гул.

За окном чайной разговор продолжался, приправляемый обывательским восторгом и преувеличениями:

— Небожитель Сюаньлин... это же величайшая фигура! Говорят, он почти не покидает пик Цзюэцин. Если Жун удалось его пригласить, цена была немалой!

— Раз уж небожитель берется за дело, какая нечисть устоит? Похоже, дом Жун спасен!

— Верно, верно. Скоро он прибудет в Цзиньчэн, может, и нам удастся хоть издалека взглянуть на его величие...

Голоса стихли, Жун Му уже не разбирал слов. Все его мысли были поглощены этой новостью. В темноте, словно ослепительная молния, прорезала ночь, освещая его отчаянные и запутанные раздумья.

Се Мовэй... он скоро будет здесь.

Тот, кого он ненавидел до глубины души и в то же время не мог забыть; тот, ради кого он был готов принять яд, лишь бы спросить: было ли хоть что-то между нами? Тот, о ком он после перерождения думал каждую секунду, гадая, как встретиться, как отомстить, как... просто увидеть его снова.

Он действительно едет.

Более того, он придет в тот самый город, где Жун Му влачит жалкое существование, и переступит порог дома, который так безжалостно изгнал его!

Абсурд! Ирония! Но при этом... сколько возможностей!

Безумный план, подобно вьюнку, мгновенно пророс в его сознании.

Дом Жун одержим призраками? Зовут Се Мовэя?

Ха!

Это же подарок судьбы!

Кто он сейчас? Брошенный наследник, которого знает весь Цзиньчэн, нищий по имени Жун Му, вышвырнутый на улицу! Личность, на которую никто не обратит внимания. Но именно этот статус дает ему идеальный шанс приблизиться к Се Мовэйю.

Что сделает избалованный юнец, изгнанный семьей, если узнает, что его род в беде, а на помощь едет небожитель?

Он проявит любопытство. Затаит обиду. Захочет вернуться и посмотреть. Или... захочет воспользоваться моментом, чтобы разоблачить грязные секреты семьи? Или просто захочет взглянуть на небожителя?

Любой мотив выглядит логично и не вызовет подозрений.

А он, Мэй Ванду, сможет использовать личность Жун Му, чтобы законно и тихо... вернуться в то место и приблизиться к человеку, о котором грезил.

Больше не нужно ломать голову, как вернуть силы и пробиться на пик Цзюэцин. Добыча сама идет в руки.

Пусть сейчас он слаб и жалок, но Се Мовэй будет совсем рядом! Стоит подобраться ближе — и возможности безграничны. Наблюдать, испытывать, искать момент. Даже если просто увидеть его издали и понять, действительно ли он так равнодушен к своему погибшему ученику, как говорят, — этого уже достаточно!

Конечно, риск огромен. Се Мовэй проницателен и обладает великой силой, малейшая оплошность — и он погибнет. Но разве это сравнится с нынешней жизнью, которая хуже смерти?

Это больше не борьба в отчаянии, а единственный луч света в темноте, пусть и тернистый путь к цели.

Жун Му (Мэй Ванду) медленно опустил голову, тень скрыла большую часть его лица. Под грязными прядями волос в его мертвых глазах разгорелось темное, яростное пламя — смесь ненависти, одержимости, безумного расчета и едва заметного... искаженного предвкушения.

Он слегка дернул уголок рта, обнажив холодную, едва уловимую улыбку.

Се Мовэй...

Мы скоро увидимся.

Только на этот раз перед тобой будет не тот Вэйян, что молил о жалости, стоя на коленях, и не

Мэй Ванду, ведущий армию призраков на смертный бой.

А... старый знакомый, которого ты никак не ожидал увидеть.

Он глубоко вдохнул холодный воздух, словно впитывая в себя эту перемену. Больше не задерживаясь, он повернулся и, по-прежнему шатаясь, но с твердой и скрытой силой, беззвучно растворился в глубокой тени переулка.

Игра, где охотник становится добычей, началась.

<http://bllate.org/book/18805/1828730>